

Гагарина Наталья Николаевна

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА "ВЫМОРОЧНЫЙ" В ИДИОЛЕКТЕ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

В статье представлены способы формирования языковой картины мира в сатирическом тексте на примере реализации семантического комплекса 'выморочный'. Лингвостилистический анализ ведется через систему ключевых слов-композигов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. I. С. 69-71. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

7. Chaucer G. The Canterbury Tales. - Ldn., 1995.

8. Muscatine Ch. Chaucer and the French Tradition: A Study in Style and Meaning. - Berkley and Los Angeles, 1957.

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА «ВЫМОРОЧНЫЙ» В ИДИОЛЕКТЕ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Гагарина Н. Н.

Филиал ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» в г. Воткинск

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Донецких Л. И. и к.ф.н., доц. Вотяковой И. А.

В статье представлены способы формирования языковой картины мира в сатирическом тексте на примере реализации семантического комплекса 'выморочный'. Лингвостилистический анализ ведется через систему ключевых слов-композигов.

Творческое осмысление речи художественных произведений сдерживается «постоянными, устойчивыми компонентами «партитуры» [Гельгардт 1966: 82], которые не допускают произвольных изменений ее смыслов. Следуя в текстах М. Е. Салтыкова-Щедрина за речью рассказчика, читатель «спотыкается» о такие «неровности» его слога, как искусственные, стилистически «несоответствующие» вкрапления в виде оценочных композигов (сложных слов). Сложные образования выступают в творчестве Щедрина в качестве слов-лейтмотивов и ключевых слов.

Одним из *выпуклых* образов щедринского творчества является ВЛАСТЬ во всех ее проявлениях. Сатирик рассматривает власть в двух направлениях: с позиций власть имущих и с точки зрения подвластных. Особенно четко это прослеживается в «Истории одного города». Интересен тот факт, что сатирик строго определяет характернейшую черту русского народа как *верность начальстволюбью*, но не начальству как таковому. И текстом произведения доказывает, что людей с такими пороками, как у русских градоначальников, любить нельзя: «потомок *сластолюбивой* княгини Тамары» [308], «напился пьян с новой жертвой своего *сластолюбия*» [356], «любил плотно покушать» [360]. Впрочем, список *грехопадений* [343] каждого градоначальника можно продолжать довольно долго. Подобная лексика не только заставляет задуматься над серьезностью описываемых событий, - ведь многое здесь библейского происхождения! - но и поднимает сам текст произведения над обыденностью, придает ему статус исторического писания. Прием терминологизации духовной лексики помогает писателю аргументировать свои общественно-политические тезисы в рамках строгой научной системы.

Причинно-следственные связи общественных устоев хорошо видны в макроконтексте щедринского творчества: *начальстволюбие* выступает поддержкой *любоначалию*. Этих два явления взаимообусловлены и существуют в триединстве: самодержавие = начальстволюбие (субъект - 'народ', объект - 'начальство') + любоначалие (субъект - 'начальство', объект - 'начальство'). Отрицательная коннотация складывается, таким образом, в логическом дискурсе - из объектной, не действующей природы власти.

Летопись - только один из жанрообразующих элементов произведения, хотя и фундаментальный. Летописный слог Щедрина нельзя назвать «чистым», отвечающим классическим канонам этого жанра. Автор сохраняет летописный стиль как фон: он слышим, видим, осязаем, но не задает правила художественной игры. Сатирическая стилизация, не отрицающая летописного стиля как такового, а *пародирующая* «летописи» в «*карамзинско-державинском роде*» [За рубежом: 24], разрушает узкие границы определенного жанра и устанавливает новые законы структурирования текста. Символом становится не текст как таковой, буквальный, а подтекстный, затекстовый хронотоп. Такая природа комического берет свое начало в народной смеховой стихии, где карнавальность и балагурство - причина и цель одновременно [Бахтин 1986; Лихачев 1999].

Сатира аксиоматично утверждает противоестественный характер своего объекта: это урод без посылов на юродство, божественную сущность. Разумеется, это крайнее проявление сатирического, которое и выражается в гротесковых образах «Истории...». Человек с механической головой или с навечно нахмуренными бровями и стиснутыми зубами - носитель внебожественного, бесовского начала. Дьявольская ипостась и есть оборотная сторона Владыки. Вывернутая наизнанку власть - это рабство. Имплицитная антиitezность воплощается в амбивалентных символах власти и рабства. Не случайно сатиру воспринимают как жесткий, беспощадный способ отражения действительности: она почти не знает полутонов, она антиitezна по определению. Герои сатиры не люди (не личности, не лица) - это представители (образы, маски, личины) идей, полярных, но взаимонаправленных. Карнавальная костюмированность (с головы до ног) - бессловесный символ. Словесное выражение идеи представлено в балагурстве: шутовское у-балтывание, за-балтывание слушателя также носит молчаливый характер. Это что-то *рядом* с болтовней, но не само слово. Тем самым не нарушается божественное сокровение - *λογος*. Заглянув *за* шутовскую болтовню, можно услышать Слово как Истину [Гадамер 1988].

Маска определяет образ, в том числе и словесный. Например, голова-органчик способна воспроизводить всего два слова: «Разорю!» и «Не потерплю!», - и даже эту куцую способность она время от времени утрачивает. На фоне постоянной суетливой болтовни тишина вокруг внезапно замолчавшей градоначальнической головы - самый выразительный, самый *говорящий* символ. *Выморочные* (из мороки, из мук своих вы-

ходящие) не меняются в течение жизни - они уходят из неё. Их смерть всегда окружена таинственностью (вспомним странным образом исчезнувшую механическую голову градоначальника или скрытую от чужих глаз смерть Иудушки Головлева) - это сакраментальный акт. Никто не видит, не слышит, никаким другим образом не ощущает их ухода. Молчание безмолвствует - это её атрибут. По эту и по ту сторону молчания - болтовня, которая не позволяет слышать. Болтовня - маска божественного безмолвия, уравнивающая всех и вся - умных и глупых, богатых и бедных - а значит снимающая жизненные противоречия.

Иначе представлен образ выморочных в «Сказках» Щедрина. Сказки «Премудрый пескарь» (1883), «Здравомысленный заяц» (1885), «Либерал» (1885), «Вяленая вобла» (1886) объединяет тема либерализма в России 2-ой половины XIX века. В сказочном цикле они расположены не в хронологическом порядке, а в идеологическом, и не случайно. Премудрый пескарь - самый безобидный из этих либералов: он лишь *на себе* применял действие законов либерального сословия. Поэтому сказка «Премудрый пескарь» из числа «либеральных» представлена первой. Далее следует «Вяленая вобла». Воблушка пошла дальше пескаря в своей либеральной «*деятельности*». Точно так же, как вяленая вобла оформляет в особую социально-философскую теорию поведение премудрых пескарей, идеология здравомысленного зайца подкрепляется практикой самоотверженных зайцев. Здравомысленный заяц выработал холопскую тактику приспособления к режиму насилия. Процесс «вяления», омертвления и оподления душ продолжается.

В контексте цикла сказок значение слова *здравомысленный* вбирает в себя семемы *благомысленный* и *пустомысленный*, а потому изначально коннотируется отрицательно. В данном случае вновь можно вспомнить о трихотомии: здравомысленный = благомысленный (угодный государству) + пустомысленный (неугодный государству, либеральный). Противоречивые мысли помогают зайцу дольше держаться на плаву, но все-таки «вместо зайца остались только клочки шкуры да *здравомысленные* его слова /.../» [634]. Приспособленческая психология в обществе, управляемом эксплуататорами, не может спасти.

Сказка «Либерал» представляет нам *выморочного* героя-либерала. Показ эволюции героя как истории его *выморочности* является излюбленным и весьма эффективным в поэтике сатирика. Исследование поступательной деградации героя воздействует на мысли и чувства читателя в гораздо большей степени, нежели простое представление его отрицательных черт.

Так - поступательно, в динамике, через архитектонику текста - показан процесс антиразвития, возможно, главного выморочного в творчестве сатирика - Иудушки, героя повести «Господа Головлевы»: «В короткое время Порфирий Владимирович совсем *одичал* (курсив наш; см. также сказку «Дикий помещик» - Н.Г.). Весь обычный ход его жизни был взбудоражен и извращен, но он как-то уж перестал обращать на это внимание» [240]; «Он любил *мысленно вымучить* (курсив наш - Н.Г.), разорить, обездолить, пососать кровь» [241]; «Все обычные жизненные отправления, которые прямо не соприкасались с миром его фантазии, он делал на скорую руку, почти с отвращением» [243]; «И над всеми этими призраками витает *живой призрак*, и этот *живой призрак* - не кто иной, как сам он, Порфирий Владимирович Головлев, последний представитель *выморочного* рода...» [287]; «Иудушка в течение долгой *пустоотрочной* жизни никогда даже в мыслях не допускал, что тут же, о бок с его существованием, происходит *процесс умертвления*» [287]; «На другой день, рано утром, из деревни, ближайшей к погосту, на котором была схоронена Арина Петровна, прискакал верховой с известием, что в нескольких шагах от дороги найден *закоченевший труп* головлевского барина» [293-294]. Так буквально в течение 50-и страниц текста был развернут процесс мучительного умирания героя. Неслучайно этот социально-психологический роман, являющий миру историю деградации представителей крепостнического уклада, - из числа произведений сатирика пользуется наибольшей популярностью у читателей.

Любопытен тот факт, что в сказках «Премудрый пескарь», «Здравомысленный заяц» и «Вяленая вобла» герои умирают, что и должно случиться по законам сказочного жанра. Однако в сказке «Либерал» иные начала. Во-первых, герой «Либерала» не персонифицированное животное, а человек; а во-вторых, в конце сказки он не умирает, а именно деградирует и продолжает «жить». И, как отрицательный герой, в конечном итоге получает «по делу своим». Эволюцию героя можно проследить и на примере сложных слов: *умеренно-либеральный* [Премудрый пескарь] - заявление темы и объекта сатиры; *пустомысленный, пустопорожний, успокоительно-соблазнительный* [Вяленая вобла] - сущность либеральной пропаганды; *здравомысленный* [Здравомысленный заяц] - психология приспособленчества, воплощенная в идеологической программе; *самодетельность* [Либерал] - бесплодная попытка либералов воплотить свои правильные мысли и слова в поступки. Так *мирно-возродительная пропаганда* [Вяленая вобла: 387] здравомысленных умеренных либералов выродилась в *поступки «применительно к подлости»* [Либерал: 496].

Таким образом, сатирическое развертывание образа в хронологии является одним из ярчайших способов его репрезентации: деградация как *процесс* - мучительный, «морочный», выморочный - становится гораздо более показательным элементом речевой структуры, нежели деградация как итог, результат. Результатом показательного процесса антиразвития становится ВЫМОРОЧНОСТЬ героя, при которой *смерть* - как благодать, избавление от мук, *исход* (ср.: «хождение по мукам»), а продолжение *жизни* - как *безысходность* и наивысшее *наказание* герою. Вся жизнь выморочного - это ПУСТОТА, представленная в болтовне. Человек убалтывающий есть в то же время человек умалчивающий. Он ни в Слове, ни в Молчании, а только *возле*. Процесс говорения как таковой противопоставляется как Слову, так и Молчанию - и они слагаются в Единое. Говорение есть *приближение* к Слову. Текст, дистанцированный временем от автора, - это неговорение автора, его молчание. Проговаривая авторский текст, читатель возобновляет процесс приближе-

ния - и всё становится на круги своя. Это и есть так называемый герменевтический круг как сущность истолкования.

Список использованной литературы

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. - М.: Искусство, 1986. - С. 250-296.
2. Гадамер Г.-Х. Истина и метод: Основы философской герменевтики. - М.: Прогресс, 1988. - 704 с.
3. Гельгардт Р. Р. О стиле литературного произведения (объект и метод) // Вопросы стилистики: Сб. статей к 70-летию со дня рождения К. И. Былинского / Под ред. В. П. Вомперского. - М: Изд-во Московского ун-та, 1966. - С. 70-83.
4. Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы: Смех как мировоззрение и другие работы. - СПб.: Алетейя, 1999. - 508 с.
5. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: В 10 томах. - М: Правда, 1988. - Тома 2, 6, 7, 8, 9.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ЛИНГВИСТИКЕ

Глушко О. Б.

ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет»

Статья рекомендована к публикации к.ф.н., проф. Норановичем А. И. и к.ф.н., доц. Фатыминой В. Д.

Границы прагматики как одной из трех частей семиотики были изначально определены ее соседством в рамках этой науки с семантикой, с одной стороны, и синтактикой - с другой. На долю прагматики приходится сфера отношений между знаками и теми, кто ими пользуется. Согласно Ч. С. Пирсу, основоположнику семиотики и прагматизма, человек - центр мироздания, стремящийся постоянно действовать, руководствуясь своими сугубо личными интересами, преследуя определённые цели. Таким образом, человек воздействует на реальность, имея дело только лишь со знаками действительности.

Нас заинтересовала концепция Чарльза Пирса, позволяющая сделать классификацию языковых знаков, базирующуюся на учёте прагматического компонента простых и составных знаков. Это даёт выход в новом лингвопрагматическом взгляде на устройство производных слов различных классов, в т.ч. производных немецких прилагательных с полусуффиксами.

В кругу прагматических вопросов оказываются проблемы отношения говорящего к тому, что и как он говорит. Любое высказывание - самостоятельное предложение, реплика в диалоге или связный текст - соотносится с говорящим, субъектом речевой деятельности. В процессе речевого общения говорящий выступает не как некая идеализированная, глобальная личность со всеми присущими ей психологическими и социальными особенностями, а как личность, выявляющая одну или несколько своих социальных функций и психологических особенностей в зависимости от конкретных условий протекания общения.

«Основания прагматики, - как утверждает Ю. С. Степанов, - заключены в более общем свойстве языка, пронизывающем все его стороны, - в его «субъективности» [Степанов 1981: 326]. А предметом прагматики является «связный и достаточно длинный текст в его динамике - дискурс, соотносённый с главным субъектом, с «Эго» всего текста, с творящим текст человеком» [Степанов 1981: 332]. Очевидно, что человек - автор событий. По крайней мере, событий, заключающихся в говорении. Это пробудило наш интерес к рассмотрению философских оснований прагматики, а именно философии прагматизма Ч. С. Пирса.

Чарльз Сандерс Пирс (1839-1914) - американский философ, логик, математик, основоположник прагматизма и семиотики. Философской основой прагматизма, как она была изложена Пирсом, был субъективный идеализм Беркли, приспособленный к утилитаризму и практицизму американского дельца и предпринимателя. Для западной цивилизации в конце XIX в. все менее значимой культурной ценностью становилось следование нормам и стереотипам, унаследованным от предков или навязанным властями, и все большее значение в глазах общественности приобретал жизненный, практический успех. Именно понятие успеха стало центральным в философии прагматизма, и следствием этого стало изменение места человека во Вселенной. Если раньше, образно говоря, каждый сверчок должен был знать свой шесток, то теперь перед человеком открылось обширное поле возможностей, перспектив, потерь и приобретений, и это поле уже не было запретным. Человек получил возможность и право самостоятельно определять свое место в мироздании, свои цели и способы их достижения - и, разумеется, нести полную ответственность за последствия своего выбора.

В своих философских взглядах Пирс отталкивался не от понятия бога или Абсолюта, а от понятия опыта [Пирс 2000]. Опыт - это всегда опыт человека, именно человек является его субъектом, и, хотя дано ему может быть очень многое, в том числе и непосредственное видение Абсолюта, центром тяжести при этом все равно остается человек, а бог или Абсолют в этом случае оказывается приравнен по своему онтологическому статусу ко всем остальным объектам опыта - реальным предметам, плодам воображения и галлюцинациям. Таким образом, именно человек становится у Пирса онтологическим центром мироздания, а антропология и теория познания в его философии образуют концептуальное ядро, служащее базисом и источником методологии решения всех остальных философских проблем.

Специфика понимания опыта Пирсом состоит в том, что опыт никак не структурирован. Все случайно, нет никаких закономерностей, которые были бы имманентно присущи самому миру. Поэтому познание в